

ИЗВѢСТІЯ ОБЩЕСТВА АРХЕОЛОГІИ, ИСТОРІИ И ЭТНОГРАФІИ

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Томъ XX, вып. 4 и 5.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стенное законодательство съ древнѣйшихъ временъ по XVII столѣтіе. Я. І. Гурлянда . . . 49—158.

Поѣздка къ мѣйскимъ тунгусамъ. В. М. Іонова . . . 159—174.

Поѣздка къ приаянскимъ тунгусамъ. Эд. К. Пекарскаго 175—191.

На молдовскомъ пчельникѣ. Вл. Савкина . . . 192—198.

Матеріалы: А. Археологическіе. Каменные бабы, найденыя въ тургайскомъ уѣздѣ тургайской области въ 1903 г. А. Добромыслова (съ таблицей рисунковъ). 199.

Б. Историческіе. Первые учителя казанской семинаріи. Н. И. Петрова, съ предисловіемъ К. В. Харламповича. . . . 200—208.

Казанскія цѣны 130 лѣтъ тому назадъ. Н. К. Горюхова. 209—217.

В. Этнографическіе. Матеріалы къ изученію киргизскаго народнаго эпоса. М.-Н. Бекимова, съ предисловіемъ Н. Θ. Катанова 218—232.

Къ исторіи открытія женскихъ школъ въ тургайской области (киргизское стихотвореніе—текстъ и переводъ). Діак. Н. Я. Саркина, подъ ред. Н. Θ. Катанова. . 233—242.

КАЗАНЬ.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

1904.

Вышла 21 декабря.

Матеріали къ изученію киргизскаго народнаго эпоса ¹⁾.

Вниманію читателей «Извѣстій» предлагаются сказки, числомъ 6, слышанныя изъ устъ казакъ-киргизовъ уральской области. Такъ какъ эти сказки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сходствуютъ со сказками другихъ турецко-татарскихъ племенъ, то опубликованіе ихъ должно имѣть свою цѣнность, тѣмъ болѣе, что для приведенія въ извѣстность общихъ, ходячихъ, мотивовъ сказокъ вышеназванныхъ племенъ и для выясненія пунктовъ ихъ первоначальнаго зарожденія все еще мало имѣется въ литературѣ матеріала. Чѣмъ болѣе будетъ собрано сказокъ у равныхъ племенъ и въ разныхъ мѣстностяхъ, тѣмъ легче будетъ достигъ общей цѣли, только что высказанной. При чтеніи и слушаніи сказокъ равныхъ племенъ иногда приходится удивляться, сколь похожи бываютъ часто другъ на друга сказки даже самыхъ отдаленныхъ мѣстностей; но, за недостаточностью матеріала, трудно рѣшить, составляютъ-ли эти сказки собою предметъ заимствованія или онѣ сходны совершенно случайно. Возьмемъ для примѣра сказку IV-ую «Объ Алдыръ-кѡсе и его продѣлкахъ». Въ ней обманщикъ благодаря голой лопаткѣ въ концѣ концовъ женится на одной дѣвушкѣ. Подобная сказка записана 2 февраля 1890 года Н. О. Катановымъ у карагасовъ иркут. губ. и напечатана на стран. 185 и 186 тома XVII, вып. II «Записокъ Имп. Рус. Географ. Общ. по отдѣленію этнографіи» (СПБ. 1891). Похищеніе жеребятъ, о которомъ говорится въ сказкахъ I-ой и V-ой, напоминаетъ собою похищеніе плодовъ въ одной азербейджанской сказкѣ и въ одной турецкой, помѣщенныхъ на стран. 480 тома XII «Извѣстій Общ. Арх., Ист. и Этн.» (Каванъ, 1894) и на стран. 29 тома I «*Oszmán-török népköltési gyűjtemény*» (Budapest, 1887). Какъ въ этихъ сказкахъ, такъ и въ киргизскихъ, I и V, похитители оказываются достаточнo наказанными. Далѣе, сказки о безбородомъ обманщикѣ Алдыръ-кѡсе (первоначально: Алдыръ кѡсѡ), который живетъ только равными хитростями и надувательствами, циркулируютъ у многихъ мусульманъ, напр. у киргизовъ и сартовъ Средней Азіи, попадаютъ даже у бессарабскихъ гагаузовъ; срав. напр. стран. 81 тома XIII «Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн.» (Каванъ, 1895—1896). Что-же касается птицы Самрокъ, о которой говорится въ сказкѣ III-ей, то эта птица заимствована у персовъ (си-

¹⁾ Доложено въ общихъ собраніяхъ 27 января и 24 февраля 1904 г.

МАТЕРИАЛЫ КЪ ИЗУЧЕНІЮ КИРГИЗСКАГО НАРОДНАГО ЭП

муръ) и встрѣчается не только у казакъ-киргизовъ, но и у всѣхъ турецко-татарскихъ племенъ, исповѣдующихъ исламъ. Въ сказкѣ III-ей одинъ богатырь избавляетъ птенцовъ этой необыкновенной птицы отъ змѣя-хищника и за эту услугу получаетъ соответственную награду. Точъ въ точъ подобное же обстоятельство описывается у Т. А. Иваницкаго въ азербейджанской и у И. Куноша въ турецкой сказкѣ, указанныхъ выше. Въ III-ей киргизской сказкѣ говорится, что у одного нечистаго духа—дау (по-персидски: дивъ) душа была спрятана въ яйцѣ, а яйцо спрятано внутри одной сайги. Такъ далеко прячется душа и у нечистаго духа-айна въ койбальской сказкѣ, помѣщенной на стран. 228 сочиненія А. М. Кастрена «*Ethnologische Vorlesungen über die Altaischen Völker*» (СПБ. 1857) и стран. 364 сочин. А. А. Шифнера «*Heldensagen der Minussinschen Tataren*» (СПБ. 1859). Въ койбальской сказкѣ душа айны спрятана въ змѣѣ, змѣя спрятана въ переметной сумѣ, а сума положена на лошадь. Такъ какъ не всякій догадается, гдѣ спрятана душа злого духа, то и не всякій можетъ побѣдить его. Во II-ой киргизской сказкѣ говорится объ одномъ работникѣ, который умѣлъ обманывать даже самого Алдыръ-кбсс. Такими способностями отличается у минусинскихъ татаръ (сагайцевъ, койбаловъ, бельтирговъ и качинцевъ) обыкновенно поповскій работникъ; срав. напр. въ «*Образцахъ народ. литературы*» т. IX сагайскую сказку № 127, записанную Н. О. Катановымъ 27 октября 1889 года на лѣв. бер. Абакана. Какъ киргизскій работникъ, такъ и сагайскій сумѣли вылѣзти изъ завязаннаго мѣшка и остаться здравыми-невредимыми. Что же касается отношенія къ могилѣ въ I-ой сказкѣ и значенія видѣнныхъ во снѣ солнца и луны въ сказкѣ VI-ой, то они присущи всѣмъ мусульманскимъ сказкамъ и навѣяны религіозными вѣрованіями. Къ могиламъ и кладбищамъ исламъ предписываетъ относиться съ благоговѣніемъ и по нимъ не ѣздить. Въ сказкѣ VI-ой сказано, что солнце и луна, видѣнные во снѣ,—символъ царской власти. Такъ толкуется подобный сонъ и въ громадномъ сонникѣ 'Абду'ль-Ганія, сына Исма'ила, «*Та'тиру'ль-анамъ фи та'бир-и'ль-манамъ*» (Каиръ, 1306=1888), именно о солнцѣ на стран. 2-ой и лунѣ на стран. 150-ой тома II-го. Въ V сказкѣ баба-яга не дѣлаетъ никакого вреда одному богатырю и даже указываетъ ему путь къ одной красавицѣ, но, къ сожалѣнію, не выяснена причина такого отношенія. Въ сказкахъ другихъ турецко-татарскихъ племенъ баба-яга иногда тоже оказывается неимоверно доброю; срав. напр. казанско-татарскую сказку № 3-ій въ XVI томѣ «*Изв. Общ. Арх., Ист. и Этн.*» (Казань, 1900). Баба-яга или колдунья—вообще очень зла, но сиротамъ послушнымъ и людямъ добрымъ она по большей части покровительствуетъ. Приведенными здѣсь сравненіями однако далеко не исчерпывается содержаніе настоящихъ шести киргизскихъ сказокъ. Возможно большее собраніе сказокъ можетъ выдвинуть и другіе общіе мотивы, а пока plus valet in manibus passer, quam in nubibus anser.

Н. Катановъ.

I. Сказка объ одномъ богатырѣ, побѣждавшемъ злыхъ духовъ.

Жилъ въ старину одинъ богачъ. Много добра было у него: и табуны лошадей, и стада барановъ, и никто въ той странѣ не могъ сравниться съ нимъ въ богатствѣ. Между табунами у богача была одна кобыла, которая на половину была изъ золота, а на половину изъ серебра и которая каждый годъ приносила по жеребенку съ такими-же, какъ у самой, свойствами. Но каждый годъ на варѣ, когда она жеребилась, спускалось съ неба на землю облако и уносило жеребенка. Такъ продолжалось много лѣтъ.

У богача было три сына. Сыновья выросли, и разъ отецъ зоветъ ихъ къ себѣ и говоритъ имъ: «Я—старъ и при жизни хочу опредѣлить, кому и что наследовать. Теперь изъ жеребятъ, похищенныхъ облакомъ, составились-бы цѣлые табуны лошадей, но облако попрежнему похищаетъ ихъ. Кто изъ васъ узнаетъ, куда дѣваетъ ихъ облако, пусть тотъ наследуетъ эти табуны, которые должны быть на половину изъ золота, а на половину изъ серебра.

Сыновья согласились караулить то облако каждый годъ по очереди, и старшій пошелъ въ табуны въ тотъ день, когда пришло время жеребиться кобылѣ. Поймалъ онъ кобылу и ждетъ, что будетъ. Вдругъ является облако и похищаетъ жеребенка. То-же самое происходитъ и при среднемъ братѣ во второй годъ. Наконецъ, отправляется младшій братъ. Приходитъ онъ въ табуны и самъ думаетъ, что это облако не есть простое облако, а какая-нибудь нечистая сила (пері).

Поймалъ онъ кобылу, встреножилъ ее и ждетъ, что будетъ. По утру кобыла жеребится. Какъ только жеребенокъ началъ расправлять ноги, съ неба опустилось на землю облако. Какъ-только оно схватило жеребенка, младшій братъ выстрѣдилъ въ него. Отъ выстрѣла облако ввизгнуло по-женски и уронило что-то на землю. Младшій братъ прибѣгаетъ на то мѣсто и видитъ, что на землѣ лежитъ женскій палецъ. Онъ беретъ его, завертываетъ въ тряпку и идетъ домой.

Около дома встрѣчаетъ отца и проситъ у него благословленія на отправку въ путь-дорогу, чтобы поискать, куда дѣваетъ жеребенка облако, и завладѣть тѣми табунами. Отецъ даетъ ему свое благословленіе,—и юноша отправляется въ путь-дорогу.

Долго скитался онъ по бѣлому свѣту. Наконецъ, приходитъ въ одно мѣсто и видитъ большое скопище народа. Народъ угощаетъ его, проситъ сотворить молитву объ упокоеніи души умершаго хана и рассказываетъ ему слѣдующее: «Всѣ они—подданные покойнаго хана—собрались принести жертву, чтобы Богъ избавилъ хана отъ страшныхъ мученій, которыя тотъ терпитъ въ могилѣ. Каждый вечеръ на его могилу появляется какой-то человекъ въ бѣломъ одѣяніи, на бѣлой лошади и заставляеть свою лошадь перепрыгивать черезъ его могилу. Тогда изъ могилы встаетъ ханъ и въ страшныхъ мученіяхъ бьется до утренней зари, а затѣмъ человекъ въ бѣломъ одѣяніи и на бѣлой лошади исчезаетъ. У хана осталась красавица-дочь, которая дала слово выйти за того замужъ, кто избавитъ умершаго отца отъ неизвѣстнаго посѣтителя его могилы по ночамъ».

Юноша проситъ указать ему, гдѣ похороненъ ханъ, и отправляется на его могилу. Онъ легъ въ могилу хана и ждетъ, когда наступитъ вечеръ и съ нимъ появится человекъ въ бѣломъ одѣяніи. Въ сумерки является человекъ въ бѣломъ одѣяніи на бѣлой лошади и, говоря: «встань!», перескакиваетъ черезъ могилу. Вдругъ ханъ очнулся. Юноша хватается незнакомца за концы одежды и вырываетъ изъ рукъ у него нагайку. Человекъ въ бѣломъ одѣяніи что-то произноситъ по-женски и моментально исчезаетъ. Послѣ этого не является, и слѣдъ отъ него простылъ. Поутру онъ идетъ въ домъ, гдѣ жила ханская дочь и говоритъ ей, что незнакомецъ больше не явится, и дѣйствительно: ея отецъ больше не вставалъ изъ могилы, и человекъ въ бѣломъ одѣяніи больше не являлся.

Тогда ханская дочь предлагаетъ ему свою руку, но юноша проситъ подождать и отправляется дальше. Долго шелъ онъ по пустыннымъ мѣстамъ и, наконецъ, видитъ народъ, собравшійся на берегу большой рѣки. По срединѣ рѣки плаваетъ корабль, а народъ плачетъ. Онъ спрашиваетъ, что они за народъ и зачѣмъ они сюда собрались. Народъ рассказываетъ ему, что много народу погибло въ этой рѣкѣ и что, какъ только корабль доходитъ до середины рѣки, такъ изъ воды показывается одна рука и топитъ корабль. Тогда юноша садится на этотъ корабль. Когда корабль дошелъ до середины, изъ воды показалась рука и хватается за корабль. Юноша хватается за эту руку и вырываетъ у нея перстень. Рука взвизгнула по-женски, опустилась на дно рѣки и больше не показывалась. Юноша благополучно переправляетъ собравшійся народъ и идетъ дальше.

Отъ долгой ходьбы онъ изнемогъ и хотѣлъ отдохнуть, какъ увидѣлъ между двумя горами три кибитки(юрты). Всѣ три кибитки бѣлы и расположены въ рядъ. Онъ входитъ въ одну кибитку и никого не застаетъ, входитъ во вторую кибитку, и тамъ оказывается пусто. Какъ только хотѣлъ онъ войти въ третью кибитку, слышитъ голосъ, по которому узнаетъ, что разговариваютъ между собою три дѣвушки. Дѣвушки говорятъ, что онъ много зла причиняли людямъ, много скитался по бѣлому свѣту, и встрѣтила-ли кто-нибудь изъ нихъ человека, за котораго достойна была-бы выйти замужъ. Одна дѣвушка говоритъ: «Жилъ одинъ богачъ, у котораго были табуны лошадей. Между табунами была у него ксбыла, которая рождала жеребенка

на половину изъ золота и на половину изъ серебра. Каждый годъ я похищала по жеребенку, теперь у меня изъ тѣхъ жеребятъ—цѣлыя табуны лошадей, которые пасутся вонъ за тѣми высокими горами. Но разъ, когда я явилась похитить жеребенка, какой-то юноша выстрѣлилъ въ меня и отшибъ у меня палецъ. За этого юношу я охотно вышла-бы замужъ».

Вторая дѣвушка говоритъ: «Жилъ по сосѣдству съ нами одинъ ханъ, который постоянно сватался за меня и до кончины не переставалъ сватать; я дала слово отомстить ему послѣ его кончины. Каждую ночь я воскрешала его и причиняла ему ужасныя мученія. Но разъ какой-то юноша поймалъ за концы моихъ одждъ и вырвалъ у меня нагайку. За этого юношу я охотно вышла-бы замужъ».

Третья дѣвушка говоритъ: «Я топила въ одной рѣкѣ много народу. Но разъ какой-то юноша схватилъ меня за руку и вырвалъ у меня перстень. За этого юношу я охотно вышла-бы замужъ».

Какъ только третья дѣвушка сказала это, въ кибитку (отау) входитъ юноша и говоритъ имъ, что тотъ юноша, о которомъ у нихъ идетъ рѣчь, это—онъ.

Дѣвушки изумились и согласились выйти за него замужъ. Но онъ сказалъ, что у нихъ есть братья, «дау», которые не отдадутъ ихъ ему, если не убить ихъ. Юноша узнаетъ—когда они придутъ, и идетъ въ ту сторону, откуда они должны придти. Дѣвушки обѣщаются помочь ему. Къ вечеру показались братья. Ихъ были трое. Юноша вступилъ съ ними въ борьбу. Убилъ одного, затѣмъ второго, но съ третьимъ никакъ не могъ справиться. Наступилъ уже вечеръ, но они все еще борются, и такъ проборолись до поздней ночи. Оба устали. Вдругъ прибѣгаетъ сестра этого «дау'а» и бросаетъ на землю подъ ноги юноши волу, а подъ ноги своего брата просо. Отъ проса дау поскользнулся и упалъ. Юноша убиваетъ его и возвращается въ кибитку. Тутъ отъ дѣвушекъ узнаетъ, гдѣ пасутся табуны лошадей, и отправляется за ними. На обратномъ пути онъ женится на дочеряхъ пери (пері кыздарына), беретъ еще ханскую дочь и благополучно возвращается на родину.

II. Сказка о богачѣ Алдырь-кѣсе и хитроумномъ его работникѣ.

Жилъ-былъ одинъ богачъ, по смерти Алдырь-кѣсе (обманщикъ безъ усовъ и бороды). Кромѣ жены у него была маленькая дочь. Нанимая работниковъ, онъ ставилъ имъ такое условіе: кто изъ нихъ разсердится первымъ, тому, работнику или ему самому, отрубить голову. Были въ той странѣ три брата, которые жили на свои заработки. Пошелъ наниматься въ работники къ Алдырь-кѣсе младшій братъ. Пришелъ къ нему и, предложивъ ему свои услуги, поступилъ къ нему въ работники на тѣхъ условіяхъ, которыя предложилъ Алдырь-кѣсе. Къ вечеру вернулся съ поля новый работникъ, а хозяинъ далъ ему поѣсть кусокъ бараньяго жиру. Работникъ взялъ кусокъ

жира, поддержалъ надъ огнемъ, но весь жиръ растаялъ, и онъ остался голоднымъ. На слѣдующій день богачъ кромѣ жира опять ничего не далъ ему поѣсть. Опять онъ поддержалъ надъ огнемъ и опять остался голоднымъ. Въ третій разъ онъ разсердился и сказалъ богачу, что онъ жира не будетъ ѣсть, ибо весь жиръ уходитъ въ огонь. Тогда богачъ взялъ саблю и отрубилъ ему голову. Приходитъ къ тому-же Алдыръ-кѡсе наниматься второй братъ, такая-же участь постигла и его. Не зная, что Алдыръ-кѡсе убилъ обоихъ братьевъ, пришелъ наниматься старшій братъ. Ростомъ онъ былъ съ пальчикъ, а борода его до колѣна. Поступилъ онъ къ Алдыръ-кѡсе пасти барановъ на тѣхъ-же условіяхъ. Видя, что Алдыръ-кѡсе хитритъ надъ нимъ, началъ онъ въ полѣ доить барановъ. Алдыръ-кѡсе не подовѣривалъ этого, хоть жена говорила мужу, что бараны начали давать меньше молока. Какъ-то узналъ работникъ, что оба брата умерли отъ рукъ Алдыръ-кѡсе, и рѣшился во что-бы ни стало отомстить богачу Алдыръ-кѡсе за смерть братьевъ: онъ все время искалъ случая разсердить ховяина, чтобы отрубить ему голову. Разъ ночью заплакала дочь Алдыръ-кѡсе. Алдыръ-кѡсе разбудилъ работника и велѣлъ ему выйти съ дочерью на свѣжій воздухъ. Работникъ исполнилъ приказаніе ховяина, но, выведши дѣвочку на дворъ, началъ колоть ее иглой. Дѣвушка заплакала пуще прежняго. Работникъ кричитъ своему ховяину, что дѣвочка не унимается. Алдыръ-кѡсе говоритъ: «Да что она на самомъ дѣлѣ плачетъ, да въ такую пору? возьми ее за ноги да тресни объ землю!» Работникъ такъ и сдѣлалъ. Послѣ этого вошелъ въ кибитку и легъ спать. Отецъ, видя, что дочь не идетъ, спрашиваетъ, гдѣ дочь. Работникъ и говоритъ: «Я взялъ ее за ноги, треснулъ объ землю, и она убила. Вѣдь ты самъ приказалъ это сдѣлать!» Богачъ ничего не скавалъ, боясь какъ-бы не выдать себя. На слѣдующій день собрались хоронить дѣвочку. Земля была крѣпкая, и послалъ Алдыръ-кѡсе работника домой за топоромъ. Приходитъ онъ домой и видитъ, что мать рыдаетъ объ умершей дочери. Работникъ спрашиваетъ, гдѣ топоръ, но она, убитая горемъ, не отвѣтила. Тогда работникъ приходитъ на кладбище и жалуется на жену Алдыръ-кѡсе, что она не даетъ топора. Алдыръ-кѡсе посылаетъ работника снова за топоромъ и говоритъ ему: «Да что она на самомъ дѣлѣ? возьми у нея топоръ да тресни по головѣ,—будетъ знать, что за ослушаніе мужа и этого мало!» Работникъ такъ и сдѣлалъ! Приходитъ домой Алдыръ-кѡсе и видитъ, что жена у него лежитъ и не встаетъ. Посмотрѣлъ онъ поближе и увидѣлъ, что она убита. Подумалъ Алдыръ-кѡсе, что съ такимъ работникомъ справиться трудно, и рѣшился убѣжать отъ него. Къ вечеру закололъ двухъ барановъ, сварилъ ихъ мясо, положилъ въ мѣшокъ, и захотѣлъ уйти изъ дому незамѣченнымъ, когда уснетъ работникъ. Работникъ притворился спящимъ и, когда Алдыръ-кѡсе немного задремалъ, всталъ съ мѣста и спрятался въ мѣшокъ, гдѣ было мясо. Алдыръ-кѡсе скоро проснулся, взялъ поскорѣе мѣшокъ, ввалилъ его себѣ на плечи и вышелъ изъ дому. Долго шелъ онъ, наконецъ, и говоритъ: «Да, освободился я отъ такого работника!» Работникъ, лежа въ мѣшокѣ, говоритъ: «Нѣтъ, еще не освободился!» Алдыръ-кѡсе, думая, что его обманываетъ слухъ, отрѣзалъ себѣ сперва одно ухо, а потомъ, пройдя еще немного, и другое.

Къ вечеру онъ пришель къ большой рѣкѣ. Остановился тутъ, взявъ мѣшокъ на руки, положилъ на землю и думаетъ поѣсть. Въ это время выходитъ изъ мѣшка работникъ съ пальчикъ. Алдырь-кѣсе чуть не умеръ отъ нежданнаго его появленія, но не далъ вида, что убѣжалъ изъ дому отъ него. Они поѣли вмѣстѣ и легли спать. Алдырь-кѣсе приказалъ работнику лечь подлѣ рѣки, и оба расположились у самаго берега: онъ хотѣлъ столкнуть работника въ воду, когда тотъ уснетъ. Но работникъ, когда уснулъ Алдырь-кѣсе, всталъ съ мѣста и столкнулъ его въ рѣку. Такъ онъ отомстил богачу Алдырь-кѣсе за смерть двухъ братьевъ.

III. Сказка о Карашашъ-сулу и Каражанъ-батырѣ.

Былъ богачъ, у котораго было два сына. Отецъ оставилъ старшему все свое богатство, а младшему далъ самаго лучшаго коня изъ табуна и богатырскіе доспѣхи. Младшаго звали Каражаномъ. Каражану не было и семи лѣтъ, какъ онъ поѣхалъ къ одному хану сватать его красавицу дочь за брата. Ханъ откавалъ ему, тогда ханская дочь говоритъ отцу: «Ты оскорбиль его, если откажешь; лучше навнѣ ему въ платежъ богатый калымъ; такъ какъ у него нѣтъ никакого богатства, то по неволѣ онъ и самъ оставить сватовство». Отецъ послушался дочери и скавалъ Каражану, чтобы онъ далъ въ калымъ 60 лошадей съ бѣлыми ногами, 60 лошадей съ бѣлыми гривами, да столько-же верблюдовъ. Каражанъ возвращается домой и изъ отцовскаго табуна даетъ калымъ хану. Ханъ отдаетъ свою дочь за брата Каражана. Прошло нѣсколько лѣтъ и Каражанъ недоумѣваетъ, почему его братъ молчитъ о женитьбѣ, наконецъ разсердился на него и угналъ его табуны.

На слѣдующій день встаетъ старшій братъ и видитъ, что Каражанъ угналъ его табуны лошадей. Каражанъ угналъ ихъ въ одно мѣсто, гдѣ изъ земли били ключи и гдѣ мѣстность была такъ богата растительностью, что никогда не истощалась, сколько-бы на ней ни паслось стадо. Каражанъ оставилъ тутъ лошадей и поѣхалъ самъ дальше. Онъ замѣтилъ въ сторонѣ отъ дороги три кибитки (отау), всѣ были бѣлыя, свадебныя, поѣхалъ туда. Въ одной кибиткѣ сидѣли три женщины, всѣ красивыя и шили что-то. Видя незнакомца, онѣ удивились. По срединѣ кибитки висѣлъ большой котелъ, въ которомъ варилась цѣлая лошадь. Женщины предложили ему скорѣе уйти, ибо его могутъ застать дау'ы (дивы) и убить. Тогда Каражанъ попросилъ поѣсть; женщины указали на котелъ, чтобы онъ самъ досталъ оттуда чего поѣсть, но онъ съѣлъ все, что было въ котлѣ. Послѣ этого надѣлъ одежду одного дау'а, но она оказалась мала. Женщины посоветовали скорѣе уйти, онъ послушался ихъ и, выйдя изъ кибитки, сейчасъ-же спрятался за кибиткою. Къ вечеру вернулись съ охоты дау'ы и догадались, что у нихъ кто-то былъ, ибо въ котлѣ было пусто. Тогда дау'ы сказали, что если этотъ посѣтитель чувствуетъ себя на столько сильнымъ, то почему онъ не беретъ себѣ въ жены ханскую дочь, которую беретъ на дняхъ

въ жены калмыцкій дау противъ воли ея родителей и безъ ея согласія. Каражанъ услышалъ это и уѣхалъ, чтобы помѣшать женитьбѣ калмыцкаго дау'а и убить его.

Пріѣхалъ къ одной рѣкѣ и спросилъ одного пастуха, что это за народъ собрался на другомъ берегу. Пастухъ сказалъ ему, что идетъ свадьба, которая продолжится 40 дней и 40 ночей и что самъ женихъ, калмыцкій дау, находится теперь за ауломъ въ одной большой долинѣ между горами. Каражанъ переодѣлся пастухомъ и явился на свадьбу. Приходитъ онъ на свадьбу и видитъ: вездѣ стоятъ котлы съ мясомъ. Онъ проситъ у одного старика поѣсть мяса, но старикъ говоритъ ему, куда-де ему, бѣдному пастуху, ѣсть такое мясо, ибо онъ выбираетъ изъ котловъ только хорошіе куски для хана, для его жены и для дочери. Каражанъ вырвалъ у него кусокъ мяса и убѣжалъ. Старикъ разсердился, побѣждалъ за нимъ въ догонку, чтобы наказать его. Каражанъ убѣжалъ за холмъ, откуда не былъ виденъ собравшійся народъ. Старикъ прибѣжалъ туда-же, и Каражанъ убилъ его. Переодѣвшись старикомъ, вернулся въ аулъ и началъ выбирать для ханской дочери хорошіе куски. Никто его не узналъ. Пришли отъ ханской дочери за мясомъ. Онъ далъ мясо, положилъ съ мясомъ въ чашку и ножъ съ надписью, выйдеть-де она за мужъ за него. Каражанъ узналъ отъ пастуха, что дочь хана предпочитаетъ умереть, нежели выйти за мужъ за калмыцкаго дау'а. Черезъ нѣсколько времени отъ ханской дочери снова пришли за мясомъ, но чашка была цѣла, т. е. не почата. Его начали бранить, почему-де онъ положилъ въ нее сырого мяса. Каражанъ догадался въ чемъ дѣло и нашелъ въ чашкѣ перстень съ надписью: она-де ждала его, видѣла его разъ во снѣ и влюбилась въ него, теперь умоляетъ освободить его. Каражанъ получилъ согласіе отъ ея родителей и рѣшился убить дау'а. Поѣхалъ онъ въ горы къ дау'у, когда этотъ спалъ. Пріѣхалъ опъ туда и началъ колоть его пикой. Дау даже не шевелился. Тогда Каражанъ началъ кричать, и отъ сильнаго голоса дау проснулся. Каражанъ одолѣлъ его, и женился на ханской дочери. Ханъ далъ ему много богатства, такъ что онъ даже позабылъ о родинѣ. Разъ жена говоритъ ему: «Собака бѣжитъ туда, гдѣ ей сытно, а жигать туда, гдѣ его родина». Сильно тронули его слова жены и онъ поѣхалъ, простившись съ ханомъ, на родину. Пріѣхалъ онъ на родину, но никого тутъ не засталъ: нѣтъ ни одного человѣка, кругомъ пусто. Пошелъ онъ искать, не найдеть-ли дескать гдѣ нибудь признака, чтобы по нему догадаться, что случилось на родинѣ и куда дѣлись жители той страны. Наконецъ, онъ видитъ воткнутый въ землю колъ; вынулъ онъ колъ и подъ коломъ оказался перстень жены его брата. На перстнѣ было написано, что явился изъ подземнаго царства одинъ дау и, раззоривъ ихъ царство, увелъ ее съ мужемъ въ подземное царство. Проситъ она его пойти искать ихъ и избавить ихъ изъ-подъ неволи подземнаго дау.

Онъ пошелъ искать, но нигдѣ не нашелъ хода въ подземное царство. Разъ онъ видитъ яму (отверстіе), на ямѣ лежитъ большой камень. Онъ приподнял камень и спустился подъ землю. Долго онъ шелъ, пока наконецъ не увидѣлъ свѣта. Здѣсь было подземное царство. Онъ встрѣтилъ здѣсь

одну рабыню, шедшую за водою, и спросилъ ее, чей этотъ бѣлый домъ, который виднѣется у подошвы горъ. Она сказала, что это—домъ царя вѣшняго, и что она—рабыня его и идетъ за водою. Каражанъ пошелъ съ нею въ тотъ домъ и тамъ встрѣтилъ жену своего брата. Обрадовались они другъ другу, и она рассказала слѣдующее: Дау, которыхъ увелъ ихъ въ подземное царство, услышалъ разъ отъ старухи-матери, что есть на землѣ батаръ Каражанъ, отъ котораго онъ и погибнетъ. Тогда этотъ дау вышелъ изъ-подъ земли, уничтожилъ то ханство, когда Каражана не было, взялъ брата съ женою, жену взялъ себѣ, а мужа ея сдѣлалъ рабомъ. Каражанъ узналъ отъ жены своего брата, что этотъ дау владѣетъ неимоверною силою, что убить его трудно; тогда они пустились на хитрость. Она сказала, что узнаетъ отъ дау'а, гдѣ у него спрятана душа, и что, если завладѣть его душою, то убить его уже будетъ не трудно. До этого времени Каражанъ долженъ былъ въ качествѣ факира (нишаго) ходить по той мѣстности. У дау'а былъ маленький сынъ, которымъ дау-отецъ любовался, думая, что изъ него выйдетъ такой-же дау, какъ и онъ самъ. Жена дау'а разъ положила маленькаго сына въ колыбель, а полъ него положила репейникъ. Ночью ребенокъ началъ плакать, дау спрашиваетъ, почему-де онъ плачетъ; жена и говоритъ, что сынъ проситъ поѣсть сердца льва и змѣи. Дау обрадовался, что изъ него выйдетъ такой-же дау, какъ и онъ. На слѣдующій день ребенокъ опять началъ плакать. Мать сказала дау'у, что сынъ спрашиваетъ у отца, гдѣ находится душа у него, чтобы онъ могъ соединить свою душу съ душою отца. Отецъ сказалъ, что за горами пасутся сайги, у одной сайги (кѣйк) въ желудкѣ есть шесть яицъ, а въ этихъ яйцахъ у него хранится душа. Поймать сайгаковъ и расколоть яйца было не трудно Каражану. Онъ пошелъ туда, убилъ сайгака, а какъ только хотѣлъ расколоть яйца, дау закричалъ такъ, что отъ сильнаго его голоса затряслась вся земля. Но онъ раскололъ всѣ шесть яицъ, освободилъ брата съ женою, и всѣ вмѣстѣ пришли къ выходу. Но здѣсь братъ Каражана, видя жену его—красавицу, прельстился ея красотою и рассердился на него за то, что онъ высваталъ ему плохую жену, а самъ взялъ красавицу.

Когда Каражанъ послѣднимъ дѣвъ вверхъ по веревкѣ, братъ его отрѣзалъ веревку, и Каражанъ снова упалъ въ подземное царство. Долго онъ скитался въ подземномъ царствѣ. Разъ легъ отдохнуть подъ однимъ большимъ деревомъ. Вдругъ видитъ, что по дереву ползетъ змѣя, а наверху плачутъ дѣти птицы самрока въ гнѣздѣ. Каражанъ убилъ змѣю. Къ вечеру прилетаетъ самъ самрокъ. Сперва поднялась сильная буря, потомъ пошелъ градъ, а за нимъ прилетѣлъ и самрокъ. Какъ только самрокъ хотѣлъ сѣсть Каражана, дѣти попросили, чтобы онъ этого не дѣлалъ, такъ какъ онъ избавилъ ихъ отъ постоянного врага—змѣи, которая каждый годъ пожирала ихъ. Но самрокъ положилъ его въ ротъ и, снова опустивъ, сказалъ, что онъ теперь будетъ любить имъ, какъ родное дитя. На самрокѣ онъ прѣхалъ на землю и заявлялъ народу о неблагодарности брата. Народъ присудилъ имъ пускать къ небу стрѣлы, и, кто-де неправъ, у того стрѣла должна упасть обратно ему на голову. Стрѣла брата упала ему на голову, и онъ

былъ раненъ и умеръ. Каражанъ остался одинъ и сталъ править съ женою Карашапъ-сулу (съ черными волосами—красавица) своимъ народомъ долго и счастливо.

IV. Сказка объ Алдыръ-кѣсе и его продѣлкахъ.

Былъ на свѣтѣ человѣкъ безбородый, звали Алдыръ. Идетъ разъ онъ по полю и видитъ, лежитъ на дорогѣ кость—голая лопатка (жаурин). Поднялъ онъ эту кость и идетъ дальше. Приходитъ въ одно мѣсто и видитъ: идетъ свадьба, стоитъ много котловъ, наполненныхъ бараниной и кониной, и Алдыръ-кѣсе проситъ позволить ему положить въ одинъ котелъ, лопатку, которому онъ хочетъ сварить. Ему позволили, и онъ незамѣтно спустилъ въ котелъ съ мясомъ голую лопатку. Черезъ нѣсколько времени онъ проситъ взять изъ котла лопатку, и вмѣсто голой лопатки вынулъ лопатку съ мясомъ. Взялъ онъ лопатку, положилъ ее впрокъ въ мѣшокъ, а самъ наѣлся на свадьбѣ. Слѣдившій за котлами вдругъ подходитъ къ Алдыръ-кѣсе и говоритъ ему, не онъ-ли положилъ лопатку безъ мяса въ котелъ. Алдыръ-кѣсе говоритъ ему, что у него лопатка была съ мясомъ и что эта потому гола, что много варилась и мясо съ нея слѣзло.

Послѣ этого онъ приходитъ къ одному бѣдняку, у котораго былъ одинъ баранъ и который держалъ его въ кибиткѣ. Алдыръ-кѣсе спрашиваетъ хозяина, не ѣстъ-ли его баранъ мяса. Бѣднякъ и говоритъ ему, что это съ нимъ, когда онъ и самъ то долго не ѣстъ мяса, что, если его баранъ съѣстъ его мясо, то пусть онъ возьметъ барана себѣ. Какъ только бѣднякъ легъ спать, Алдыръ-кѣсе взялъ изъ мѣшка мясо, положилъ его въ ротъ барану и, разбудивъ хозяина, сталъ препираться съ нимъ и взялъ у него барана.

Алдыръ-кѣсе съ однимъ бараномъ приходитъ къ богачу и проситъ разрѣшенія пустить барана въ стада богача и спрашиваетъ, не съѣдятъ-ли его бараны чужого барана. Богачъ сказалъ, что, если съѣдятъ его барана, то онъ готовъ отдать ему вмѣсто одного барана девять барановъ. Алдыръ-кѣсе пустилъ своего барана въ стадо. Ночью всталъ, зарѣзалъ своего барана, и положилъ нѣсколькимъ баранамъ въ ротъ мяса. На слѣдующій день взялъ девять барановъ и пошелъ дальше. Видитъ онъ: хоронятъ одну дѣвочку. Пришелъ на кладбище и вступилъ съ народомъ, который хоронилъ дѣвочку, въ разговоръ.

Алдыръ-кѣсе предложилъ людямъ продать ему мертвую дѣвочку. Тѣ согласились, и онъ за нѣсколько барановъ купилъ мертвую дѣвочку. На остальныхъ барановъ купилъ лошадей, посадилъ на нее мертвую дѣвочку, привязавъ къ сѣдлу и повелъ лошадей подъ удцы. Пришелъ онъ въ одинъ аулъ. Выбѣжали изъ этого аула дѣвушки, дѣти, полюбопытствовать и посмотреть на его дѣвушку. Алдыръ-кѣсе не пустилъ ихъ близко къ лошади, говоря, что она—больна, что можетъ упасть и что, если кто-нибудь подой-

дети къ ней и уронить ее, то возьметъ за нее виновника себя. Женщины не послушались и подошли поближе къ привязанной къ сѣдлу мертвой дѣвушкѣ. Одна бойкая дѣвушка подошла и дернула ее за рубашку. Алдыръ-кѣсе этого и нужно было: она упала. Тогда Алдыръ-кѣсе началъ кричать, что убили его дѣвушку, и за нее взялъ ту, которая дернула за рубашку. Такимъ образомъ Алдыръ-кѣсе женился на ней и до конца смерти не переставалъ обманывать людей.

V. Сказка о золотоволосомъ Тотамбай и сестрѣ его—колдуньѣ.

Жилъ въ старину одинъ бѣдный человѣкъ. Было у того бѣднаго человѣка девять сыновей и одна дочь. Старшіе братья ничѣмъ не отличались и жили такъ себя, а младшій братъ имѣлъ золотые волосы, и звали его Тотамбаемъ. Была у нихъ всего на все одна кобылица. Жеребилась она каждый годъ, но ежегодно одно черное облако похищало молодого жеребенка. Всѣ братья караулили по очереди, но ничего не могли сдѣлать. Пришла очередь за младшимъ братомъ. Пошелъ онъ въ поле за кобылицею и ждетъ, когда явится облако.

По утру Тотамбай задремалъ, но тотчасъ проснулся и видитъ, какъ съ неба спускается черное облако. Онъ выстрѣлилъ въ него, и облако уронило что-то на землю. Тотамбай пошелъ на то мѣсто и поднялъ женскій палецъ.

Приходить по утру домой и видитъ, что у сестры не хватаетъ одного пальца. Не мало онъ этому дивился, что сестра въ эту ночь очутилась безъ одного пальца, потомъ подумалъ и, наконецъ, сказалъ братьямъ, что сестра ихъ—колдунья. Братья рассердились и выгнали его изъ дома.

Ушелъ Тотамбай изъ родительскаго дома и думаетъ, какъ это родная сестра, превратившись въ черное облако, похищала жеребенка, и теперь изъ-за нея пришлось ему оставить родительскій домъ. Идя полемъ, слышать ревъ льва. Приходить туда, лежитъ левъ и не будучи въ состояніи шевелить ногой, сильно рычитъ. Тотамбай подошелъ ближе,—въ ногѣ льва оказалась занова. Вынулъ онъ занову. Левъ привсталъ, нога перестала болѣть; онъ вырвалъ пучекъ своей гривы и отдалъ ему. Тотамбай спряталъ.

Идетъ дальше, встрѣчаетъ бабу-ягу (джалмаузъ-кемпирь). Баба-яга сказала ему, что въ одномъ мѣстѣ живетъ ханъ, у котораго есть три дочери. Младшая изъ нихъ—такая красавица, что трудно передать языкомъ и описать перомъ. «Если нужна тебѣ жена», добавила баба-яга, «вотъ тебѣ невеста!» Тотамбай спросилъ у бабы-яги, въ какую сторону надо идти, чтобы попасть въ то ханство,—и, узнавши, пошелъ искать ханскую дочь-красавицу.

Недолго пришлось странствовать,—пришелъ къ тому хану, нанялся къ нему въ пастухи. Каждый разъ, когда онъ пригонялъ стадо къ рѣкѣ на водопой, дочери хана приходили купаться. Послѣ водопоя стадо отдыхало обыв-

новенно у берега, и молодой пастухъ тоже купался въ сторонѣ. Такъ продолжалось нѣсколько дней.

Разъ младшая дочь хана обратила вниманіе на купающагося въ сторонѣ пастуха, увидала его золотые волосы и влюбилась въ него. Старшія сестры вышли замужъ за богатыхъ, много калыму получилъ за нихъ отецъ, а младшая выбрала въ женихи пастуха Тотамбая. Отецъ рассердился, никакого приданого не далъ и выдалъ за него въ чемъ она была.

Живетъ онъ годъ, живетъ два въ ханствѣ своего тестя, но старый ханъ и видѣть его не хочетъ. Захворалъ разъ ханъ сильно, испугался смерти и шлетъ гонцовъ за колдунами. Приѣхало много колдуновъ, иные колдовали день и ночь, созывали покорныхъ имъ нечистыхъ духовъ, но ничего не могли сдѣлать,—и ханъ не поправлялся. Наконецъ, одинъ старый колдунъ сказалъ, что больной тогда вылѣчится, когда поѣстъ мяса дикой козы.

Посылаетъ ханъ за своими любимыми зятьями, даетъ имъ самыхъ лучшихъ лошадей ивъ табуна и посылаетъ охотиться за дикой козой. Приходить къ тестю Тотамбай и проситъ позволить и ему ѣхать за дикой козой. Хану показалось смѣшнымъ, что пастухъ тоже думаетъ охотиться за дикой козой, но всетаки далъ ему лошадь, и тотъ поѣхалъ вслѣдъ за остальными.

Въ самый короткій промежутокъ времени онъ убилъ нѣсколько козъ, тогда какъ любимые зятья не убили ни одной козы. Имъ стало не ловко возвращаться домой съ пустыми руками и начали приставать къ Тотамбаю, чтобы онъ уступилъ имъ своихъ козъ, но Тотамбай не согласился. Къ вечеру они до того пристали къ нему, что онъ рѣшился уступить имъ, но съ условіемъ, если они позволяютъ заклеить себя. Долго не соглашались, а между тѣмъ время приближалось уже къ вечеру. Наступило время ѣхать домой, и они позволили себя заклеить подъ рубашкой, чтобы не видно было другимъ и чтобы не могъ знать объ этомъ никто кромѣ Тотамбая.

Приѣхали къ вечеру домой охотники. Всѣ обрадовались, и дали больному поѣсть мяса дикой козы, и онъ выдоровѣлъ. Но недолго ханъ бодрствовалъ,—черезъ нѣкоторое время захворалъ снова. Колдуны потребовали достать мяса слона. И на этотъ разъ Тотамбай убилъ слона и отдалъ двумъ зятьямъ за то, что они позволили заклеить себя. Ханъ поправился, приблизилъ къ себѣ двухъ зятьевъ и даже сталъ съ ними совѣтоваться. Такъ прошло еще нѣкоторое время.

Однажды ханъ зоветъ къ себѣ двухъ своихъ любимцевъ и говоритъ имъ, что онъ отдалъ за нихъ своихъ старшихъ дочерей и оставитъ имъ все свое богатство, если они исполнятъ еще одну просьбу. «У меня», говоритъ ханъ, «было пять дочерей, ихъ увезли какіе-то дау'ы, отыщите ихъ и освободите,—тогда получите все мое богатство!»

Тѣ послушались и поѣхали искать дау'овъ. Поѣхалъ за нимъ и Тотамбай. Ыхали мѣстами и пустынными, и богато населенными, наконецъ, сильно утомились. только одинъ Тотамбай вынесъ всѣ трудности пути, а тѣ двое отстали. Ыдетъ Тотамбай и видитъ, передъ нимъ стоятъ пять бѣлыхъ кибитокъ. Приѣхалъ туда и остановился. Зашелъ въ первую кибитку,—сидитъ женщина. Женщина спросила, что онъ за человѣкъ, откуда и какъ онъ сюда

попалъ. Тотамбай передахъ ей все, какъ издалека замѣтилъ пять кибитокъ, кто онъ и что ему нужно. Тогда женщина сказала, что она есть дочь того хана и что остальные сестры находятся въ другихъ кибиткахъ, а сами дау'мъ сейчасъ отсутствуютъ.

У этихъ дау'овъ было по пяти головъ, но все-таки Тотамбаю удалось ихъ убить. Выбѣжали изъ кибитокъ всѣ сестры, обрадовались пріѣзду извѣстителя и поѣхали съ нимъ къ отцу на родину. На обратномъ пути встрѣтили двухъ зятьевъ хана, голодныхъ, въ нищенской одеждѣ. Тотамбай накормилъ ихъ, и всѣ они остановились отдохнуть. Тотамбай спалъ обыкновенно сорокъ дней и сорокъ ночей, и на этотъ разъ, обрадованный благополучнымъ исходомъ странствованія, уснулъ такъ крѣпко, что не проснулся нѣсколько дней сряду. Тѣмъ временемъ остальные уѣхали, чтобы поскорѣе порадовать хана и получить награду.

Ханъ сдержалъ свое слово, отдалъ имъ все свое богатство, себѣ оставивъ только часть; про Тотамбая же ему сказали, что онъ умеръ.

Ханъ устроилъ пиръ, созвалъ весь свой народъ. Пиръ продолжался сорокъ дней, и къ этому времени пріѣхалъ Тотамбай. Онъ рассказывалъ хану, какъ убилъ дикихъ козъ, слона, что дѣлали въ это время его любимцы, какъ убилъ дау'овъ и что его любимцы—пустые хвастуны. Ханъ долго не вѣрилъ, но, когда Тотамбай говорилъ, что у нихъ имѣется тавро (клеймо), ханъ удовольствовался и прогналъ ихъ отъ себя.

Послѣ этого недолго жилъ въ томъ ханствѣ Тотамбай: онъ уѣхалъ на родину, взявъ съ собою много богатства, но на мѣстѣ прежняго отцовскаго дома увидѣлъ бѣдную кибитку. Она до того была бѣдна, что войлоки на ней ничѣмъ не отличались отъ цвѣта земли и отъ ветхости никакой защиты отъ солнца не давали. Заходитъ онъ туда,—сидитъ только одна сестра. Вездѣ валяются кости братьевъ, отца, матери, а она гложетъ ихъ. Бросилась она на него, но онъ успѣлъ убѣжать. Долго гналась она за нимъ. Тотамбай усталъ и чувствуетъ, что ноги слабѣютъ. Вдругъ онъ вспомнилъ о гривѣ льва и зажегъ ее. Тотчасъ появился левъ, и они вдвоемъ убили колдунью—сестру.

Левъ говоритъ Тотамбаю, что онъ—ханскій сынъ. Одна баба-яга заговорила его, и онъ съ тѣхъ поръ превратился въ льва. Левъ проситъ его, чтобы онъ досталъ у той бабы-яги заговоръ, и тогда онъ опять сдѣлается человекомъ. Тотамбай досталъ заговоръ, и левъ снова сталъ ханскимъ сыномъ.

Много лѣтъ жили они вмѣстѣ, нажили много добра и до самой смерти были друзьями.

VI. Сказка объ одномъ мурзѣ, купившемъ сонъ и сдѣлавшемся царемъ.

Жилъ-былъ одинъ богачъ, у котораго былъ сынъ. Этотъ сынъ караулъ отцовскіе табуны. Однажды видитъ онъ сонъ, приснилось ему, будто

онъ лежить, надъ сердцемъ его сіяетъ яркая звѣзда, надъ головой стоитъ солнце, а съ боку—мѣсяцъ. Слышитъ онъ во снѣ голосъ, который говоритъ: «Иди въ ту сторону, откуда восходитъ солнце, и узнаешь, что означаетъ твой сонъ!»

Проснулся онъ, выбралъ самого лучшаго коня и поѣхалъ на востокъ. Ѣдетъ онъ день, Ѣдетъ ночь. На слѣдующее утро пріѣзжаетъ къ большому табуну. Около табуна стоитъ мурва (хозяинъ, помѣщикъ) и любитъ на свой табунъ. Видя, что къ табуну подѣхалъ всадникъ, поѣхалъ къ нему на встрѣчу. Мурва спросилъ, кто онъ и куда Ѣдетъ. «Я видѣлъ сонъ, и во снѣ голосъ предсказалъ мнѣ, что, если поѣду въ ту сторону, откуда восходитъ солнце, узнаю, что означаетъ этотъ сонъ. Я послушался голоса и Ѣду искать свой сонъ (т. е. разгадку сна)!» — «Продай мнѣ свой сонъ!» говоритъ мурва. Они поторговались, и, наконецъ, мурва купилъ его сонъ за весь табунъ и поѣхалъ въ ту-же сторону искать купленный сонъ, а тотъ погналъ табунъ домой, къ отцу.

Ѣдетъ мурва семь дней и семь ночей. Въ восьмую ночь пріѣхалъ въ одинъ большой городъ. Ночь была темная до того, что трудно было различать предметы; онъ шелъ ощупью и зашелъ въ одинъ домъ. Въ томъ домѣ жилъ царь; въ одной комнатѣ онъ наткнулся на спящаго человѣка. Это была царская дочь. Царская дочь даетъ ему двѣ узды, два сѣдла и говоритъ ему тихо: «Иди на дворъ, осѣдай двухъ коней и приходи за мною!» Мурва не знаетъ, кто съ нимъ говорить, но идетъ на царскій дворъ. Тамъ осѣдалъ двухъ коней и приходитъ обратно. Царская дочь достаетъ изъ сундука много золота, выходитъ съ нимъ на дворъ, гдѣ стояли лошади. Они сѣли на коней и выѣхали темною ночью изъ города. Ъхали они долго, не зная другъ друга, и утромъ пріѣхали къ одной большой рѣкѣ.

Царская дочь говоритъ: «Я ошиблась: въ эту ночь за мною долженъ былъ пріѣхать одинъ царевичъ, которому я дала слово бѣжать съ нимъ! Ты оказался постороннимъ, но дѣлать теперь нечего,—видно, такова судьба! поѣжай туда, куда лежитъ тебѣ путь, и я послѣдую за тобой!» Они поѣхали дальше. Немного погодя пріѣзжаютъ въ одно стадо,—паслись коровы. Царская дочь, желая узнать, кто съ нимъ Ѣдетъ и что онъ за человѣкъ, говоритъ: «Какъ хорошо пасти стадо коровъ на зеленомъ лугу!» Мурва ей не отвѣтилъ. Ѣдутъ дальше и видятъ,—пасутся верблюды. Она ему говоритъ: «Какъ хорошо пасти верблюдовъ!»

Мурва ей и на это ничего не сказалъ. Пріѣзжаютъ къ большому табуну лошадей. «Какъ весело пасти лошадей и гнать ихъ на водопой!» говоритъ царская дочь. — «Что-же, дѣло не паскудное пасти табунъ и гнать на водопой!» говоритъ мурва. Подумала царская дочь: «Должно быть, онъ самъ пасть табунъ! стало быть, если онъ и не мурва, то несомнѣнно,—сынъ богача, онъ—молодъ, и я нахожу его себѣ равнымъ!» Послѣ этого они разговорились и понравились другъ другу. Ѣдетъ мурва обратно домой. Пріѣзжаетъ въ свой аулъ и видитъ, собралось много народу и устраиваютъ по немъ поминки (ас). Видя, что онъ еще живъ и прибылъ благополучно домой, созвали еще больше народу, и поминки у нихъ превратились въ веселый пиръ (той).

Въ это время умеръ царь страны, а такъ какъ онъ не оставилъ послѣ себя наслѣдника, то народъ выбралъ его въ цари.

Женился мурза на царской дочери и царствуетъ счастливо. На второй годъ его царствованія родился у нихъ сынъ,—мальчикъ очень красивый и умный. Отдали его учиться, и способности его не было въ школахъ никого. Разъ мальчикъ забрался на грудь отца и началъ играть его бородой; мать сидѣла тутъ-же. Отецъ посмотрѣлъ на сына и улыбнулся. Тогда жена сказала, что царю не подобаетъ смѣяться попусту, и замѣтила, почему онъ смѣется. Царь сказалъ: «Я смѣюсь тому, какъ купилъ однажды сонъ и какъ нашелъ его!» и разсказалъ ей про купленный сонъ: «Во снѣ оваряли солнце и луна», говоритъ царь, «это—символъ царской власти!» и я сдѣлался царемъ. Надъ сердцемъ лежащаго сіяла яркая звѣзда. Это—нашъ сынъ, который подаетъ большія надежды. Сонъ исполнился, вотъ этому-то я и смѣюсь!» сказалъ царь.

М. - Н. Бекимовъ.

Къ исторіи открытія женскихъ школъ въ Тургайской области.

(Киргизское стихотвореніе).

Вниманію читателей предлагается стихотвореніе, въ которомъ киргизъ Отуншы воспѣваетъ такое важное для киргизъ событіе, какъ открытіе въ городѣ Кустанаѣ уѣзнаго русско-киргизскаго женскаго училища (1890 г.), впоследствии преобразованнаго въ прогимназію (1895 г.). Это событіе тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ прежнее время киргизы всячески сопротивлялись открытію въ ихъ степяхъ школъ и боялись обучать въ русскихъ школахъ своихъ дѣтей, думая, что, съ обученіемъ дѣтей русской грамотѣ, основы ислама расшатаются и дѣти обратятся въ христіанъ. Съ теченіемъ времени киргизы примирились съ русскими школами. Первая по времени школа была открыта въ г. Кустанаѣ по приговору всѣхъ представителей киргизскаго общества. Авторъ настоящаго стихотворенія—извѣстный пѣвецъ Отуншы, киргизъ № 1 аула кинъ-аральской волости кустанайскаго уѣзда тургайской области. Стихотвореніе сложено обычнымъ у киргизъ размѣромъ, состоящимъ изъ 11 слоговъ: амфимаkra—и діамба—въ первомъ полустішіи и діамба—во второмъ, причемъ здѣсь подъ долгимъ слогомъ разумѣется просто слогъ съ удареніемъ; напр.:

арбындар | кѹлуп туруп || маза́к етіп,
а́кылы́н | бул брусту́н | байка́лык деп.

Всего въ стихотвореніи 80 стиховъ (20 четверостишія).

Отуншының блонь.

Казактың қар шақыртты баласына,
 Цыжыл деп Костанайдың каласына,
 Адамдар інабатты калмасын деп,
 Білдірді әр болустың қол-астына. 4.

Омардың біздің болус кәрі катты,
 Адамды інабатты қалдырмапты;
 Шағатай, Нұрқан келсін демәсә-дә,
 Біз-дағы баралық деп, қекті атты. 8.

Біз келдік Костанайда қатқан көпкө,
 Казакты салады деп қандай кепкә;
 Орустың оған-шежің сөз' ашылмай,
 Камалып қатыр-екән бекәр теккә, 12.

Ақылын бұл орустың байкалық деп,
 Камалып қата-бермәй қайталық деп;
 Оларға арғын қағы кісі салды,
 Ішкөлдү алмаймыз деп айталық деп. 16.

Омар-да буған разы болуп-турду,
 Нұрканды Аскар-мінән қолуктурду;
 Бес болус бұл қактағы басын косуп,
 Барлығы бір ыңғайға келіп турду. 20.

Қудайға біздің казак нағып қағар?
 Бұл істі кім бузғанын Қудай табар;
 Бәріміздің ішімізді карабалық,
 Намбады, бір ыңғайда турған калық. 24.

Ішкөлдү сурағаны ырас болуп,
Ашылды Кең-Саралда аныкталып;
Болар-ма* кыжанаты мұнан асып?
Көңүлү казактардың қалды қасып. 28.

Шакырлы Кырап сонда кәр етіп,
Цыжылып тамам болус барды қетіп;
Дамбардың бас сайтаны келіпті деп,
Арбындар еңіріп турлу мазақ етіп. 32.

Қол тұзоп, ішкөлі сурап алғандығы,
Алдым деп бурун тамға қойғандығы;
Сурасам, қас' елудән асты деді,
Іздәткән талабының қалғандығы. 36.

Аумастан қыжырма қыл болус болдұң,
Цігіт боп, бу дүнжөнү талай көрдүң;
Ар қолда умұт еткән адам болуп,
Ақрында ішкөлі сурап алғандығың. 40.

Ойла-шы, бул сөздөрдө қаман бар-ма?
Қылығың қаман емәс, солған бар-ма?
Көзу боп, қой санадан әкім болуп,
Қазақта шенәуліктән қалған бар-ма? 44.

Қарады бір өзүнө қанша қалық,
Сыйлаған орус қазақ тілің алып;
Правитель Ақмәт-төре қандай еді,
Бөкөндүк ерәң болған өліп талып. 48.

Онан-соң а́кѣм болуп, Мыкан ѳттѣ,
 Царлыгы осу җердән Сырға җеттѣ;
 Шыдаса, үзѳз болуп турмай-м' едѣ?
 Колунан есән тастап, җүрѳ-бердѣ. 52.

Тагы-да койду бѣрәү помощникъ деп,
 Нашарды мыкты-мѣнән теңәлсѣн деп;
 Тѣләүдѣ старшій шеңгә койду калап,
 Канша-ма јшѣп-җедѣ җуртту канап. 56.

Кыжанат оларды-да җебәрдѣ-мә?
 Алѣ җүр сол орунда мен-мундалап;
 Кѣмнән кем ел-җамаҗат кара басы?
 Сјздәрдә ол бар шыҗар дараҗалы. 60.

Пгәрј ол кјсј-дә җарамады,
 Җанарал болмак-едѣ ерәдәсј;
 Нәсјлј кара казак кыпшак-едѣ,
 Туткасын бѣр областың устәп-едѣ. 64.

Инспекторъ Јбрай-тѳрѳ ол не болду?
 Җоғары канат байлап ушпак-едѣ;
 Бѣр бѣрләп осуларды айтып ѳттѣм,
 Айналып Карпыкыпка җаңа җеттѣм. 68.

Сурасам, җас' елүдән асты дедѣ,
 Кыраптан, шыныңд' айт-шы, не дәм еттѣң;
 Җалпактап алай-булай җүрѳр-едѣң,
 Атыңды екј җактап сабар-едѣң. 72.

Кудайҕа сен осундай кызмат етсәң,
 Енді-дә дін қалпакта көрөр-едің,
 Қалпактап әлі ұұрсөң бір керәмат
 Сондай боң, қаксылык-пән отөр-едің. 76.

Боларсын, азар болса, осулардай,
 Цетәрсін муратыңа көккө бармай;
 Дін айтп қайғы етәр бір адам қок,
 Казактың максуты сол бй-мән болус. 80.

Пьсня (киргиза) Отуншы.

Было объявлено приказаніе киргизскимъ дѣтямъ (1): „собирайся-де въ городъ Кустанай (2)!“ чтобы не остались (дома) вліятельные люди (3), дали знать (даже) подчиненнымъ всѣхъ волостей (4).—У нашего волостного Омара распоряженія—строги (5),—онъ не оставилъ (дома ни одного) вліятельнаго лица (6); хотя онъ и не приглашалъ ни Шагатая, ни Нуржана (7), (однако и они) запрягли лошадей, говоря: „и мы поѣдемъ (8)!“—Мы пріѣхали въ находящемуся въ Кустанаѣ обществу (9), (думая узнать) въ какое положеніе поставятъ киргизъ (10); до сихъ поръ со стороны русскихъ не объявлялось (никакихъ) распоряженій (11), и (общество) проживало такъ себѣ безъ дѣла (12).—Испытаемъ замыслы этихъ русскихъ (13), (а потомъ) не проживая даромъ, вернемся во-свояси (14); въ нимъ аргынцы стали засылать (своихъ) людей (15), чтобы заявить, что шеолы они не примутъ (16).—На это соглашался и Омаръ (17), свели вмѣстѣ Нуржана и Аскара (18); на этой сторонѣ оказавшіеся 5 волостныхъ (управителей) применили (19), и всѣ стали одного направленія (20).—Какъ угодить Богу нашъ киргизъ (21)? кто испортилъ это дѣло, Богъ найдетъ (22); среди всѣхъ насъ (разстраиватели)—карабалыкы (23), (они) не повѣрили, (ибо это—) народъ,

державіи одного направленія (24).—Выяснилось желаніе имѣть школу (25), (о чемъ) ясно было объявлено (въ управленіи) въ Кең-Саралъ (26); можетъ-ли быть обида сильнѣе этой (27)? взгрустнулось на сердцахъ у киргизъ (28).—Крафтъ пригласилъ тогда строгимъ жестомъ (29),—всѣ волостные (управители) собрались и подошли къ нему (30); говоря, что пріѣхалъ главный дамбарскій дьяволъ (31), аргынцы стояли и подтрунивали (32).—Онъ исправилъ дорогу, исклопоталъ школу (33), первый приложилъ тамгу на открытіе школы (34); когда я спросилъ, (миѣ) сказали, что ему перевалило за 50 лѣтъ (35), (но обнаружились только) пустота его стремленій (36).—Ты 20 лѣтъ безъ перерыва былъ волостнымъ управителемъ (37), какъ герой достаточно видалъ этотъ свѣтъ (38); заслуживая довѣрія на всѣхъ путяхъ (39), въ концѣ концовъ исклопоталъ школу (40).—Подумай-же, есть-ли въ этихъ рѣчахъ (что вибудъ) дурное (41)? поступокъ твой не плохъ, есть-ли (въ немъ) ложь (42)? бывши какъ ягненокъ среди овецъ, ты сталъ начальникомъ (43), есть-ли у киргизъ (что) суетнѣе чиновничества (44)?—Сколько народу подчинилось ему одному (45), слушаясь его рѣчей, почитали (его) русскіе и киргизы (46); правитель господинъ Ахметъ былъ каковъ (47): едва-едва онъ сталъ полковникомъ, выбиваясь изъ силъ (48).—Послѣ него проначальствовалъ Мыканъ (49), повелѣніе его достигало отсюда до Сыръ-дарьи (50); развѣ онъ при терпѣніи не сталъ-бы (даже) уѣзднымъ начальникомъ (51)? благополучно онъ сложилъ съ своихъ рукъ (обязанности) и отошелъ (52).—Далѣе, назначили одного помощникомъ (53), чтобы (при исканіи правосудія) слабый равнялся съ сильнымъ (54); (киргиза) Тилеули избрали старшимъ (55), сколько-сколько онъ пилъ и ѣлъ изъ народныхъ сбереженій (56).—Развѣ (такая) измѣна выпустила его (безнаказанно) (57)? онъ до сихъ поръ ходитъ и страдаетъ отъ этого (соб.: говоря „я-здѣсь“, т. е. въ такомъ скверномъ положеніи) (58); его черная головушка развѣ хуже (головъ) другихъ людей (59)? навѣрно, онъ у васъ (до сихъ поръ) пользуется почетомъ (60).—

И этого человѣка не угодили (двинуться) впередъ (61), (хотя) его желаніемъ было—быть генераломъ (62); родомъ онъ былъ простой киргизъ изъ кыпшакаго рода (63), держалъ онъ въ рукахъ судьбу (соб.: рукоятку) цѣлой области (64).—Инспекторъ господинъ Ибрай—каковъ-то онъ былъ (65)? ему хотѣлось-бы привязать (къ себѣ) крылья и полетѣть вверхъ (66); я перечислилъ этихъ (людей) одного за другимъ (67), (и) дошелъ, наконецъ (соб.: оборачиваясь), до Карпыкова (68).—Когда я спросилъ, (мнѣ) сказали, что возрастъ его уже за 50 лѣтъ (69), чего ты вкусилъ (т. е. добился) отъ Крафта, скажи-ка по правдѣ (70); ты вертѣлся бывало (подлѣ него) и такъ и саяъ (71), (а) лошадь свою бывало понужалъ и съ той и съ другой стороны (72).—Если-бы ты такимъ образомъ служилъ Богу (73), то теперь-же благодаря широкой (т. е. щедрой) религіи увидалъ-бы (74), если-бы (и самъ) теперь жилъ широко, какое-либо чудо (75) и такимъ образомъ прожилъ-бы недурно (76).—Ты будешь самое большее такимъ-же, какъ эти самые люди (77), достигнешь цѣли (жизни), но на небо не попадешь (78); нѣтъ (однако) ни одного человѣка, который усердствовалъ-бы въ проповѣдываніи религіи (79), (ибо) цѣль (современнаго) киргиза быть (только) біемъ (т. е. народнымъ судьей) и волостнымъ управителемъ (80).

Упоминаемые въ настоящемъ стихотвореніи чины и должности лица суть: волостной правитель (болус), генералъ (џанарал), инспекторъ шеолъ, начальникъ (ăkjm), чиновникъ вообще (шенăŷljē), полковникъ (bōlkōndŷk), уѣздный начальникъ (ŷjōs), помощникъ его, старшій чиновникъ или чинъ (шен) и народный судья (bīj). Такъ какъ эти чины и должности установлены русскими, то и названія ихъ по большей части русскія. Что-же касается отдѣльныхъ лицъ, дѣятельности которыхъ касается пѣвецъ Отуншы, то объ нихъ можно

сказать слѣдующее: Въ стихѣ 5-мъ подѣ „Омар“ разумѣется Омаръ Кошановъ, бывшій волостной управитель ара-карагайской волости. Изъ этой-же волости происходятъ почетные киргизы Шагатай Балтабаевъ и Нуржанъ Наушабаевъ (ст. 7-ой), изъ коихъ послѣдній славится даже какъ „о́лоңшұ“, т. е. пѣвецъ. Оба эти лица одно время были конкуррентами на должность старшины. Въ стихѣ 18-мъ упоминаются „Нуркан“ и „Аскар“, оба были правителями, именно: первый изъ нихъ, Нурканъ Мырзабакинъ, въ мендыгаринской волости, а второй, Аскаръ Сасыковъ, въ кинъ-аральской волости. „Кырап“ (ст. 29 и 70) есть сподвижникъ бывшаго военного губернатора сперва въ забайкальской, затѣмъ тургайской обл., а нынѣ оренбургскаго губернатора Я. О. Барабаша. Иванъ Ивановичъ Крафтъ былъ старшимъ совѣтникомъ тургайскаго областного правленія и прославился какъ человекъ, очень даровитый и отлично знающій бытъ и исторію киргизскаго народа. Не имѣя даже средняго образованія, онъ пробилъ себѣ дорогу и по лѣстницѣ административной службы дошелъ даже до должности вице-губернатора. Благодаря энергіи и уму Я. О. Барабаша и И. И. Крафта, тургайская область покрылась стѣтью русско-киргизскихъ женскихъ школъ; русско-киргизская женская прогимназія въ г. Кустанай своимъ открытіемъ обязана тѣмъ-же лицамъ. „Акмѣт“ (47)—Ахметъ Жантюринъ, бывшій правитель восточной части Орды, а „Мыканъ“ (49)—Мыканъ Жантюринъ, тоже бывшій правитель. „Тілау“ (55)—Тлеули или Тлеу Сейдалинь, который первый изъ киргизъ добился должности старшаго помощника кустанайскаго уѣзднаго начальника; получивъ образованіе въ оренбургскомъ Неплюевскомъ кадетскомъ корпусѣ, онъ сталъ руссофиломъ и былъ однимъ изъ виновниковъ обрусенія киргизъ кустанайскаго, а отчасти и тургайскаго уѣздовъ. Ибрай Алтынсаринъ (65)—первый и послѣдній киргизъ, сдѣлавшійся инспекторомъ школъ тургайской области. Онъ умеръ инспекторомъ въ чинѣ коллежскаго совѣтника; производство-же его въ чинъ статскаго совѣтника не застало его уже въ живыхъ. Онъ

скончался въ своей зимовкѣ (кыстау), въ 5—6 верстахъ отъ Кустаная послѣ тяжелой болѣзни, отъ воспаленія легкихъ, 52 л. отъ роду, 17 іюля 1889 г. Въ лицѣ его киргизы получили человѣка, который благодаря своему сочиненію „Шараяту-ль-исламъ“ познакомилъ ихъ съ основами ислама и выставилъ эту религію въ глазахъ ихъ высокою по идеямъ; однако Ибрай Алтынсаринъ былъ среди киргизъ проводникомъ и русскаго образованія, хотя и не такимъ, какимъ былъ напр. Т. Сейдалинь, совершенно обрусѣвшій киргизъ. И. Алтынсарину посвящено сочиненіе Н. И. Ильминскаго „Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ“ (Казань, 1891), украшенное портретомъ воспоминаемаго лица. Алтынсарину обязаны своимъ открытіемъ не только разныя киргизскія учебныя заведенія, но и тургайское Яковлевское ремесленное училище. Русское общество сильно любило Алтынсарина и, любя, называло его Иваномъ Алексѣвичемъ. Киргизы мусульмане не пускали русскихъ въ нему ни тогда, когда онъ умиралъ, ни тогда, когда онъ былъ уже въ могилѣ, боясь, какъ-бы не объявили его христіаниномъ. Въ ст. 68-мъ говорится о Карпыковѣ, это—Биемухаммедъ Карпыковъ, киргизъ рода кыпчака, бывший младшимъ сверхштатнымъ чиновникомъ особыхъ при тургайскомъ военномъ губернаторѣ порученій; онъ былъ сподвижникомъ вышеупомянутыхъ Я. О. Барабаша и И. И. Крафта въ дѣлѣ просвѣщенія киргизскихъ дѣвочекъ русской грамотой. Остается сказать нѣсколько словъ еще о нѣкоторыхъ мѣстахъ приведеннаго выше стихотворенія. Кустанай, по-киргизски „Костанай“ (стихи 2 и 9),—уѣздный городъ тургайской области, основанный послѣ русско-турецкой войны на р. Тоболѣ. Онъ торгуетъ преимущественно хлѣбомъ и ордынскимъ скотомъ. Мѣсто для этого города сперва было выбрано на урочищѣ Ордабай, каковое названіе онъ и носилъ нѣкоторое время; послѣ перенесенія его за 8 верстъ, къ одинокой могилѣ (цалгыз мола) киргизской старухи, по имени Костанай, онъ сталъ называться по-киргизски Кустанамъ и по-русски Николаевскомъ. Въ немъ съ 1 по 15 октября и съ 29 іюня по 10—14 іюля бываютъ

большія ярмарки, называемыя Покровской и Петровской. Въ Кустанай, кромѣ приходскихъ школъ, имѣются: русско-киргизское уѣздное 2-хъ-классное и русско-киргизское городское съ педагогическимъ классомъ училища, послѣднее выпускаетъ учителей начальныхъ аульныхъ передвижныхъ школъ грамоты, и русско-киргизская женская прогимназія; такимъ образомъ Кустанай является въ степи проводникомъ русско-православной культуры. Населеніе кустанайскаго уѣзда состоитъ, кромѣ русскихъ, изъ слѣдующихъ киргизскихъ родовъ: 1) „кыпшакъ“—кыпчаки, составляющаго населеніе сѣверныхъ волостей: саройской, кинъ-аральской, чубарской, карабалыкской, ара-карагайской и южнѣе дамбарской и айтской; 2) „керѣй“—кырей, жители мандыгаринской волости, на востокъ къ акмолин. обл.; 3) „аргынъ“—аргынъ, убаганской волости, на востокъ, и аманкарагайской, на юго-востокъ; 4) „цаппасъ“—жаппасъ, бестюбинской волости; 5) „цагалбайлы“—жагалбайлы, западной части уѣзда, волостей: жетигаринской, куманской, сундыкской и жылкуарской. Упомянутые здѣсь роды (рѣ) имѣютъ также отдѣльныя колѣна, напр.: „карабалыкъ“ (ст. 23) входитъ въ составъ рода „кыпшакъ“ (ст. 63). Въ заключеніе можно замѣтить, что киргизы, какъ и сарты,—большіе охотники до стихотвореній на текущія темы, и они не прочь задѣтъ въ нихъ и своихъ собратій, образчикомъ чего можетъ служить и настоящее стихотвореніе, записанное въ тургайской области.

Діаконъ *Николай Саркинъ*.

Казань.

19 Февраля 1904 г.